

А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ • Н.Ф. БУГАЙ • Е.Ф. КРИНКО

ГОРЦЫ
ПРОБЛЕМЫ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
ИСТОРИИ
В ВЕЛИКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
1941–1945

Алексей Безугольный

**Горцы Северного Кавказа
в Великой Отечественной
войне 1941-1945. Проблемы
истории, историографии
и источниковедения**

«Центрполиграф»

2012

Безугольный А. Ю.

Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне
1941-1945. Проблемы истории, историографии и источниковедения
/ А. Ю. Безугольный — «Центрполиграф», 2012

В монографии известных специалистов в области истории Северного Кавказа советского периода анализируются наиболее острые проблемы участия горских народов в событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: особенности организационно-мобилизационной работы в национальных регионах Северного Кавказа и прохождения горцами военной службы, история национальных частей, оккупационный режим, причины и масштаб явлений коллаборационизма и антисоветского повстанческого движения, депортации ряда народов с исторической родины. В работе дан подробный анализ состояния историографического и источниковедческого освоения перечисленных тем. Все эти вопросы являются предметом острых дискуссий и нередко толкуются крайне тенденциозно в исторической литературе и публицистике. Авторы постарались беспристрастно, основываясь на широком документальном материале, внести свою лепту в объективное изучение участия горцев в Великой Отечественной войне. Монография обсуждена и рекомендована к изданию на заседании Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН 7 сентября 2011 г.

© Безугольный А. Ю., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	8
1	8
2	19
3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алексей Юрьевич Безугольный, Николай Федорович Бугай, Евгений Федорович Кринко Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Проблемы истории, историографии и источниковедения

Предисловие

Участие представителей народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войне – одна из сложнейших и многогранных проблем истории нашей страны. Сложность ее обусловлена этнической пестротой данного региона, переплетением и столкновением интересов различных этнических и социальных групп и, как следствие, неизбежной политизированностью при обращении к прошлому. Великая Отечественная война, ставшая для современной России одним из важнейших «мест памяти» и основ самоидентификации граждан, остается на Северном Кавказе предметом особенно ожесточенных споров.

Причина тому – череда драматических событий, закончившаяся выселением с исторической родины некоторых народов Северного Кавказа. Многие годы «комплекс вины» и застарелые межэтнические споры оказывают прямое воздействие на развитие исторических исследований в регионе. Это не способствует объективному и всестороннему освещению участия горцев в Великой Отечественной войне. Те же причины не позволяют объединить усилия северокавказских историков в попытке дать обобщенную картину событий, выявлении основных тенденций в развитии национальной политики Советского государства в регионе.

Идеологическая составляющая вопроса о вкладе того или иного народа в дело победы над фашизмом делает живучими охранительные тенденции, присущие советской науке, особенно в тех регионах, жители которых подверглись массовым репрессиям по этническому признаку. Многие темы здесь неофициально табуированы, а у историков налицо признаки своего рода окопной психологии, когда главной своей профессиональной задачей они считают создание и сохранение положительного имиджа своего народа. В современной литературе о войне – не только публицистической, но и издающейся под грифами региональных научных учреждений – нередко можно встретить фразы об «очернителях истории», «лицемерах, пляшущих под западную дудку» и прочие выражения, характерные для эпохи холодной войны, в адрес исследователей острых проблем истории Великой Отечественной войны¹. Часто научные тексты смешиваются с некачественной публицистикой. Во многих республиках Северного Кавказа изучение данной темы сводится к скрупулезному восстановлению имен героев войны, описанию их боевых и трудовых подвигов. Данный подход, несомненно, полезен в деле патриотического воспитания молодого поколения, но не позволяет прояснить многие тенденции и проблемы в развитии региона в годы Великой Отечественной войны.

Представленная на суд читателя работа призвана создать целостную картину событий, происходивших в горских автономиях в годы войны. Особое внимание в книге уделено малоисследованным проблемам историографии и источниковедения, дискуссионным вопросам при-

зыва горцев на военную службу, причинам приостановок обязательного призыва и суррогатам призыва в виде добровольческого движения, особенностям партизанского движения и коллаборационизма, антисоветским проявлениям и депортации ряда народов с территории региона. Разумеется, к этим сюжетам не сводится вся история горцев Северного Кавказа в 1941–1945 гг. За рамками работы осталось немало вопросов – перестройка народного хозяйства автономных областей и республик Северного Кавказа на военный лад, социально-экономическое развитие региона, различные формы помощи населению фронту, ратные и трудовые достижения горцев. Материал по многим указанным вопросам излагается в значительном количестве обобщающих и специальных работ. Поэтому авторы не сочли нужным повторять положения, неоднократно высказанные и обоснованные другими исследователями.

Актуальность данной работы обусловлена не только решаемыми в ней собственно научными задачами и общественно-политической заостренностью рассматриваемых вопросов, но и практическими потребностями, тесно связанными с сегодняшними преобразованиями в Вооруженных силах Российской Федерации. Многие подходы к организации военной службы, применявшиеся в виде экспериментов или целостной системы в 1941–1945 гг., в настоящее время воспроизводятся на территории Северного Кавказа. Присущая 1990-м – началу 2000-х гг. практика приостановки или ограничений призыва горской молодежи в ряды Вооруженных сил сменяется в последние годы активным привлечением местных контингентов в армию и правоохранительные органы. Особенно обращает на себя внимание создание мононациональных чеченских воинских формирований. В 2010 г. решение о создании национальных частей принято руководством страны и в отношении Республики Дагестан. Хочется надеяться, что указанные подходы, широко использовавшиеся в годы Великой Отечественной войны, несмотря на ряд издержек, дадут свой положительный эффект. Высокая популярность у северокавказской молодежи военной службы призвана способствовать формированию общероссийской идентичности, снизить ее отток в незаконные вооруженные формирования, обеспечить занятость, а также использовать традиционные качества горцев в интересах Российского государства.

Как и в годы Великой Отечественной войны, деятельность российских властей на Северном Кавказе сегодня представляет собой сложный, противоречивый и не всегда эффективный поиск политического урегулирования ситуации в регионе. Повторяемость событий и решений свидетельствует о существовании определенных закономерностей исторического развития. Это позволяет говорить о востребованности исторического опыта и возможности выработки конкретных практических рекомендаций на основе изучения событий на Северном Кавказе в 1941–1945 гг.

История участия горских народов в Великой Отечественной войне сложна и противоречива. Сосредоточенность немалого числа современных публицистов и историков только на ее негативных аспектах способствовала нагнетанию нездоровой атмосферы вокруг изучения данной темы. Действительно, на Северном Кавказе в 1941–1945 гг. существовали антисоветские проявления и коллаборационизм, дезертирство и бандитизм. Но эти явления были присущи и истории других регионов нашей страны в годы Великой Отечественной войны. Однако они не могут перевесить патриотизм, сплоченность и самоотверженность большинства советских людей. Иначе нашей стране не удалось бы одержать Победу в Великой Отечественной войне.

Несмотря на приостановку призыва местных национальностей, введенную в 1942 г. во всех автономных республиках Северного Кавказа, а также последующее выселение ряда народов с исторической родины с увольнением из рядов РККА их представителей, на фронтах Великой Отечественной войны служили десятки тысяч горцев. Часть их была призвана накануне войны, другие подняты по мобилизации в 1941 г. и призывам в 1941–1942 гг. Тысячи горцев на добровольной основе продолжали поступать в войска и после запрета обязательного призыва. Многие воины-горцы снискали боевую славу, заслужили ордена и медали, удостои-

лись высокого звания Героя Советского Союза. Многие сложили свои головы в боях за общую Родину... Забывать этого нельзя.

Предисловие, части 3, 4 книги, заключение подготовлены к. и. н. А.Ю. Безугольным, части 2, 5 подготовлены д. и. н. Е.Ф. Кринко, часть 1 – д. и. н. Е.Ф. Кринко с использованием материалов, предоставленных д. и. н. проф. Н.Ф. Бугаем, часть 6 написана д. и. н., проф. Н.Ф. Бугаем, научно-справочный аппарат подготовлен совместно к. и. н. А.Ю. Безугольным и д. и. н. Е.Ф. Кринко.

Авторы выражают искреннюю благодарность за внимательное отношение к работе и ценные советы при подготовке рукописи к печати руководителю Центра исследований Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН к. и. н. А.К. Аликберову, сотрудникам Центра к. и. н. А.Ю. Скакову, к. и. н. В.О. Бобровникову, к. и. н. З.Х. Ибрагимовой, к. и. н. М.Ю. Рощину, сотрудникам Института этнологии и антропологии РАН к. и. н. Ю.Д. Анчабадзе и к. и. н. Л.Т. Соловьевой; специалистам и директору Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики д. и. н. С.С. Магамадову, а также ведущему научному сотруднику Института российской истории РАН д. и. н. В.А. Невежину.

Часть первая

Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне: опыт историографического обобщения

1

Основные тенденции развития историографии проблемы

Важнейшей предпосылкой в развитии исторического знания является осмысление уже накопленного опыта. Истории горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны посвящено немало исследований. Предметом изучения в них выступали различные аспекты участия горцев в войне, развитие автономных республик и областей Северного Кавказа, боевые действия на территории региона в 1942–1943 гг., ее оккупация и последующая депортация части народов региона. Однако указанные сюжеты нашли свое отражение лишь в ряде общих² и сравнительно немногочисленных специальных историографических работ, выполненных, как правило, на материалах всего региона в целом³. В них не всегда уделяется внимание специфике формирования историографии рассматриваемой проблемы. Практически не затрагивается и зарубежный исследовательский опыт. Все это обуславливает необходимость специального обращения к историографии участия горцев Северного Кавказа в Великой Отечественной войне.

Советская историография рассматриваемой проблемы прошла в своем развитии через два периода. Первый – время формирования советской концепции Великой Отечественной войны, в которой нашли отражение и вопросы истории горцев Северного Кавказа в 1941–1945 гг. Он приходится на 1941 г. – середину 1950-х гг., охватывая, таким образом, собственно военное время (1941–1945 гг.) и первое послевоенное десятилетие (1945 г. – первая половина 1950-х гг.). Второй период – время дальнейшего развития представлений об истории горцев Северного Кавказа в годы войны. Он начинается с середины 1950-х и завершается в 1980-х гг., включает время «оттепели» (со второй половины 1950-х по первую половину 1960-х гг.) и последующие десятилетия (со второй половины 1960-х до конца 1980-х гг.).

При всей условности предлагаемой периодизации она позволяет осмыслить общие тенденции в развитии советской исторической науки о войне и то место, которое уделялось в ней разработке истории горцев Северного Кавказа в 1941–1945 гг., систематизировать существующий опыт ее изучения в определенных хронологических рамках. Главными критериями выделяемых этапов выступают изменения в самих исследовательских практиках, используемых подходах, методах и источниках, а также влияние на науку общественно-политической атмосферы⁴.

Начало формированию историографии проблемы было заложено непосредственно в годы Великой Отечественной войны. Немало журналистов, писателей, партийных, советских и хозяйственных руководителей обращались к различным аспектам развития национальных автономий Северного Кавказа в годы войны. В брошюрах и статьях в периодической печати описывались подвиги горцев на фронте и в тылу, жестокость противника на оккупированной территории, действия партизан и подпольщиков, прославлялись дружба народов и преимущества советского строя⁵. Несмотря на пропагандистский характер, работы военных лет впервые поставили вопросы о деятельности партийных и государственных органов, общественных

организаций на Северном Кавказе в годы войны, об ущербе, нанесенном нацистской оккупацией региону. Однако требования цензуры запрещали публиковать конкретную информацию о многих событиях, а после депортации карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей из печати исчезли любые упоминания о их судьбе.

В послевоенное десятилетие историю автономий Северного Кавказа в 1941–1945 гг. характеризовали кандидатские диссертации и статьи первых профессиональных исследователей. Кандидатская диссертация В.М. Глухова была выполнена на материалах Адыгеи, И.В. Давыдова – Кабарды, Х.Т. Чибирова – Северной Осетии, статья З.К. Карданова – Черкесии⁶. Как правило, они включали разделы, посвященные перестройке народного хозяйства автономий на военный лад, сопротивлению захватчикам в период оккупации, восстановлению экономики и социальной сферы после освобождения, участию горцев в боевых действиях на фронте. Указанные сюжеты и в дальнейшем определяли круг рассматриваемых вопросов в большей части исследований.

В то же время историки послевоенного времени по-прежнему не касались ряда вопросов, включая и судьбы репрессированных этносов во время войны. Работы данного периода опирались на сталинские оценки войны, отличались непримиримостью к любым отклонениям от официальной точки зрения, апологетикой действий советского руководства, его достижений без учета их цены. Свою роль в этом играли не только господствовавшие настроения, но и прямое влияние власти и идеологии на развитие историографии. За отход от официальной доктрины историков могли ожидать тяжелые личные и профессиональные последствия.

После XX съезда КПСС возникли более благоприятные условия для организации исторических исследований. Выросла источниковая база, увеличилось общее количество публикаций по теме, в том числе переводных изданий. Расширились контакты советских историков с зарубежными коллегами. Историю горцев Северного Кавказа в годы войны исследовали З.М. Аликберов, И.К. Керимов и другие авторы⁷. Первой работой, выполненной непосредственно на материалах Чечено-Ингушетии военного времени, стало исследование бывшего секретаря Чечено-Ингушского обкома партии В.И. Филькина⁸. В научный оборот стали вводиться документы местных и центральных архивов, позволившие раскрыть новые аспекты развития региона в годы Великой Отечественной войны. Но пределы переосмысления проблемы, носившего во многом поверхностный характер, были жестко определены. Картина событий военных лет упрощалась и недооценивалась, негативные явления объяснялись при помощи субъективных факторов либо замалчивались.

«Оттепель» продолжалась недолго, а со второй половины 1960-х гг. в изучении войны стали сказываться иные тенденции. В целом интерес к событиям военных лет в историографии второй половины 1960—1980-х гг. возрос. Увеличилось и общее количество исследований на данную тему, ставшую одним из ведущих направлений в советской историографии. Однако усиление внимания к военной теме сопровождалось ее сакрализацией, проявлением которой стали торжественно отмечавшиеся, начиная с 1965 г., юбилеи Победы. Усилилось противостояние с западными историками в трактовке различных вопросов истории войны. Тем не менее в изучении истории национальных автономий Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны в рассматриваемые годы были сделаны значительные шаги вперед. Существенно расширились источниковая база и сам круг исследователей проблемы.

В эти годы вышли обобщающие работы по истории республик и автономных областей Северного Кавказа, их партийных организаций⁹. Они стали своеобразным итогом развития региональной историографии. Вследствие строгого контроля партийных органов текст избавлялся от всех «второстепенных» деталей, ему придавался максимально выдержанный в идеологическом отношении характер. Даже собственные диссертационные и монографиче-

ские исследования их авторов при рассмотрении отдельных сюжетов порой оказывались более информативными, чем соответствующие разделы указанных трудов.

В 1965 г. Х.И. Хутуев защитил кандидатскую диссертацию, ставшую первой специальной работой о судьбе балкарцев в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период¹⁰. Деятельности партийной организации Адыгейской автономной области в 1941–1945 гг. была посвящена кандидатская диссертация А.С. Схакумидова, Карачаевской и Черкесской автономных областей – Ч.С. Кулаева¹¹. Вопросы истории Кабардино-Балкарской АССР в период Великой Отечественной войны разрабатывал Е.Т. Хакуашев, Северо-Осетинской АССР – А.А. Тедтоев, Чечено-Ингушской АССР – М.А. Абазатов и Х.А. Гакаев¹². Развитию Северного Кавказа в годы войны были также посвящены работы З.М. Аликберова, Г.П. Иванова, П.Д. Тепуна, М.Г. Шайдаева и других исследователей¹³. Они проанализировали перестройку форм и методов работы партийных организаций в условиях войны, изменения в их структуре и численности. В то же время авторы нередко увлекались описанием общих вопросов, изложением директив ЦК и решений обкомов партии, недостаточно внимания уделяя их проведению в жизнь на местах, анализу проблем, трудностей и недостатков в деятельности региональных органов власти.

Военно-организаторскую работу партийных организаций автономных республик и областей в годы войны, направленную на укрепление обороноспособности региона, единства фронта и тыла, характеризовали труды Т.И. Афасижева, Ф.И. Кочиевой, Ч.С. Кулаева, П.Д. Тепуна, В.Ф. Шилина и других авторов¹⁴. Исследователи проанализировали работу партийных органов по подготовке кадров, проведению мобилизации, организации всеобщего. Осторожной критике стали подвергаться некоторые недостатки в работе партийных организаций региона (отсутствие своевременных выборов, просроченный стаж кандидатов в члены партии и т. д.). В отдельных публикациях отмечались трудности военно-организаторской работы в ряде автономий, например, в проведении мобилизации в горных районах Чечено-Ингушетии, Карачая, Черкесии, Дагестана. Историки указывали, что здесь усилилось сопротивление «асоциальных элементов», призывавших население к неподчинению и борьбе с советской властью¹⁵. Однако по-прежнему считалось, что указанные негативные явления не носили массового характера, а большинство населения Северного Кавказа, как и всей страны, стремилось отдать все силы борьбе с врагом.

Значительное внимание уделялось переводу экономики региона на военный лад и ее восстановлению после оккупации, участию жителей в трудовых движениях и других патриотических инициативах, различных формах помощи фронту¹⁶. Вопросы истории комсомольских организаций региона военного времени рассматривали К.Г. Ачмиз, И.К. Добагов, С.Н. Якаев и другие авторы¹⁷. Они раскрыли роль и задачи северокавказских организаций ВЛКСМ, различные направления в их деятельности, описали подвиги комсомольцев региона на фронте и в тылу. Советские историки стремились доказать, что на Северном Кавказе представители всех классов и социальных групп, как и в целом в стране, сплотились в борьбе за Победу¹⁸.

Работы многих исследователей проблемы были выполнены на близкой источниковой базе, основу которой составляли партийные и советские документы. Многие материалы военного времени оставались засекреченными, что также сужало возможности историков. В частности, был ограничен доступ исследователей к документации высших партийных органов, их переписке с местными партийными комитетами, документам НКВД, НКГБ и НКО СССР, других ведомств. Значительно меньше внимания уделялось источникам личного происхождения, так как считалось, что они субъективны и менее достоверны, чем официальные советские документы.

Историки, пытавшиеся отстаивать самостоятельную позицию, ожидали ограничения в доступе к архивам, лишение других возможностей работы. В результате при характеристике событий военного времени исследователи в лучшем случае отмечали «*некоторые отрицательные явления в деятельности отдельных местных партийных органов в период временной оккупации части территории*» региона. Многочисленные недомолвки, оговорки, намеки и полунамеки выполняли перестраховочную функцию, подчеркивали «незначительность» указанных явлений, предоставляя возможность посвященному читателю самому догадаться, о каких событиях шла речь.

Несмотря на значительное количество работ на данную тему, позиции их авторов достаточно близки. Дискуссии вызывали лишь отдельные вопросы. Как правило, представители региональной историографии предпочитали придерживаться подходов, заложенных в обобщающих трудах и разделяемых большинством советских исследователей. Более «гладкие» работы приносили меньше трудностей, и, напротив, самостоятельные исследования вызывали критику оппонентов, создавая дополнительные проблемы их авторам. В итоге местный материал нередко использовался лишь в качестве примеров, подтверждающих выводы, сделанные на общесоюзном уровне. Новизна отдельных региональных исследований выражалась лишь в количестве вводимого в научный оборот фактического материала, типичного по своему содержанию, а новые источники оказывались однообразными по типу и способу изучения.

Общность позиций историков основывалась прежде всего на единых теоретико-методологических принципах и методах исследования. Основой советской историографии выступал исторический материализм в его догматизированной форме, которую он приобрел в советском общественном сознании. История горцев Северного Кавказа в годы войны изучалась на основе принципов исторической закономерности, объективности и классового подхода. При этом многие исследования отличались жестким детерминизмом, отказом от альтернативности, однолинейностью и предопределенностью в понимании исторических событий военного времени.

Влияние идеологии на развитие науки не следует понимать чересчур упрощенно, оно не сводилось к одному лишь внешнему контролю со стороны партийной и государственной цензуры. Не меньшую роль играл своеобразный «внутренний цензор», оказывавший значительное влияние на самоограничение исследователей, влияние которого только начинает осознаваться в современной историографии.

Сравнительно недавно исследователи стали обращать внимание на используемую в советской историографии терминологию. Работы военного и послевоенного времени по своему стилю напоминают выступления партийных пропагандистов, в них широко применялась эмоционально окрашенная и идеологически заряженная лексика, различного рода эвфемизмы. В последующие годы терминология исследований о войне сохраняла идеологизированный и политизированный характер.

Так, все лица, сотрудничавшие с оккупантами, нередко назывались «власовцами», а также «изменниками Родины», «предателями» и «фашистскими холуями». Между тем Русская освободительная армия генерала А.А. Власова была создана уже в конце войны, а значительная часть других коллаборационистских формирований оставалась ему неподконтрольной. Поэтому понятие «власовцы» не охватывает всех участников вооруженных формирований, воевавших на стороне Третьего рейха. Термины «изменники» и «предатели» имеют негативные коннотации, придавая соответствующую правовую и морально-этическую оценку сотрудничеству с противником. Для обозначения оккупационной прессы использовались такие слова и выражения, как «газетки», «газетенки», «лживые и грязные листки», которые выпускали «агенты Геббельса», исследователи разоблачали «ложь фашистских борзописцев» и т. д. Эти понятия применялись не только в популярных, но и в достаточно добротных, содержательных исследованиях, выполненных на солидной источниковой базе. Причины их использования объясняются уже тем, что историки нередко переносили в свои исследования сам стиль доку-

ментов, лексику и фразеологию фронтового времени. Иногда это происходило сознательно, с целью передать колорит эпохи, порой – неосознанно, в этом случае исследователь подчинялся языку используемых им текстов. Свою роль играла и сложившаяся система представлений о войне и ее месте в массовом сознании советского общества, так как изучение военных событий было тесно связано с воспитательными задачами.

С 1990-х гг. берет начало современная российская историография проблемы. Начало новому этапу в развитии отечественной исторической науки положили общественно-политические и экономические перемены, происходившие в стране во второй половине 1980-х гг. Однако в историографии рассматриваемой проблемы, как и Великой Отечественной войны в целом, они сказались несколько позже. Сам переход к новому этапу в развитии историографии носил постепенный характер, поскольку требовалось время для определенного переосмысления, отказа от прежних догматизированных положений.

Отсутствие кардинальных перемен в работах большинства профессиональных историков во второй половине 1980-х гг. было особенно заметно на фоне публицистики, активно пересматривавшей многие вопросы советской истории, включая и судьбы горцев Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны. При этом пересмотр взглядов нередко выражался в изменении прежних оценок на противоположные. В результате сложилось эмоционально-критическое направление в изучении истории Великой Отечественной войны, акцентировавшее внимание только на негативных ее сторонах, которым раньше не находилось места в советских исторических трудах.

Впрочем, в региональной историографии достаточно сильно сказывалась и обратная тенденция: попытки критического переосмысления прежних выводов зачастую воспринимались как стремление «опорочить, принизить величие и значение победы советского народа». На характер научных дискуссий оказывало существенное влияние «политическое противостояние защитников и противников советского строя»¹⁹. В значительной степени содержательный переход к новому этапу определялся рассекречиванием документов и расширением доступа исследователей к источникам в начале 1990-х гг. Расширение научных контактов с зарубежными исследователями и публикации их работ в России также сыграли свою роль в формировании новых представлений по проблеме.

Противоречивый процесс переосмысления истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны отразило проведение международных, всероссийских и региональных научных конференций, многие из которых были приурочены к очередным годовщинам Победы и другим юбилейным датам²⁰. Нередко на одной и той же конференции непримиримая критика в адрес «фальсификаторов войны» соседствовала с призывами к переоценке ее истории, а утверждения о дружбе народов, нерушимом союзе рабочих и крестьян – с описанием противоречий в духовной жизни страны, поиском причин и истоков коллаборационизма в довоенном развитии советского общества. Рассматриваемая в качестве важного фактора консолидации общества, Победа в войне во многом продолжает сохранять свой сакральный характер, а различные табу осложняют работу исследователей.

Развитие современной историографии сопровождается постепенным расширением круга рассматриваемых вопросов, комплекса используемых исследователями источников. Вопросы истории горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны затронуты в ряде новых обобщающих трудов²¹. В 1990—2000-х гг. на материалах Северного Кавказа периода Великой Отечественной войны было защищено двадцать докторских диссертаций, а количество кандидатских диссертаций и опубликованных монографий превышает их в несколько раз. Наряду с историками старшего поколения проблему участия горцев Северного Кавказа в войне разрабатывают десятки молодых исследователей, но процесс смены поколений проходит не

всегда безболезненно как в профессиональном, так и в социально-психологическом отношении.

Для современного этапа в развитии историографии проблемы характерен плюрализм мнений, оценок, подходов. Немало новых обобщающих работ практически повторяют прежние оценки²². Другие исследования переосмысливают на новой источниковой базе прежние положения советской историографии. Третьи интерпретируют события военного времени в русле зарубежной и эмигрантской традиции, ранее резко критиковавшейся советскими историками.

Немало внимания уделяется проблемам взаимоотношений власти и общества на материалах северокавказских автономий в 1941–1945 гг. в работах Г.Х. Азашикова, Т.М. Баликоева, М.М. Ибрагимова, А.Д. Койчуева, Е.М. Малышевой, И.З. Хатуева, Т.Т. Худалова²³. Исследователи выявляют допущенные советским руководством ошибки и просчеты, нанесшие ущерб развитию межэтнических отношений. М.Х. Шебзухов указал, что деятельность партийных организаций автономий в целом была направлена на обеспечение победы в войне, однако методы их работы оставались административно-управленческими, нередко замыкались лишь на протокольных формах. Партийные комитеты «верили в магическую силу пленумов, собраний, партийных активов»²⁴. Деятельность местных Советов и комитетов обороны Северного Кавказа рассмотрена в докторской диссертации Н.А. Чугунцовой и других исследованиях²⁵.

Массовому сознанию населения региона, различным формам помощи северокавказских народов фронту, развитию печати в военное время посвящены специальные диссертационные исследования²⁶. Постепенно в историографии находят отражение представления о сложности и противоречивости массового сознания военного времени. Впервые подвергнуты анализу психологические аспекты войны, сложность и неоднозначность процесса формирования образа врага у жителей региона.

Новые исследования посвящены социально-экономическому развитию северокавказских автономий в военные годы. В.Х. Магомаев, В.А. Селюнин и другие историки привели новые сведения о выполнении и перевыполнении производственных планов в промышленности и сельском хозяйстве региона²⁷. Однако порой о новизне исследований свидетельствуют лишь их названия, а текст во многом дублирует содержание работ предыдущих лет.

Наиболее полный анализ деятельности местных органов власти по обеспечению жителей северокавказских автономий продуктами и предметами широкого потребления, улучшению жилищных условий и коммунальных услуг, работе системы здравоохранения и образования предприняли Н.А. Чугунцова и Е.В. Панарина²⁸. В то же время авторы ряда работ придерживаются традиционных оценок участия молодежи северокавказских автономий в Великой Отечественной войне²⁹. Значительно больше внимания стало уделяться роли женщин³⁰, интеллигенции³¹ в событиях военных лет. В частности, в работах Ю.А. Болдырева переосмысливается влияние партийно-государственных структур на художественную культуру³².

Трагизм эвакуации населения, имущества, оборудования, скота с территории Северного Кавказа летом 1942 г. на основе анализа рассекреченных документов раскрыл пятигорский исследователь С.И. Линец. Главной причиной срыва эвакуации он назвал запоздалые решения центральных государственных и военных ведомств о вывозе скота и имущества, отсутствие заранее проработанных планов эвакуации у местных руководителей, на действиях которых «негативно сказывались также боязнь быть обвиненными в паникерстве и трусости»³³. По мнению исследователя, местные руководители не сумели в должной мере справиться с данной задачей из-за грубых просчетов в определении сроков эвакуации, острой нехватки времени и транспорта, отсутствии связи с военным командованием и своевременных решений центральной власти.

В условиях отказа от единой марксистской парадигмы исторических исследований многие историки обратились к позитивистскому (точнее, неопозитивистскому) методу исследования, считая своей задачей воссоздать историю «как это в действительности было», опираясь непосредственно на документы и отказываясь от каких-либо общетеоретических концепций. Однако чрезмерное доверие документам привело к тому, что все реже стали задаваться вопросы «о том, почему это было написано и что оно вообще обозначает»³⁴. Постепенно в историографии формируется убеждение в том, что добиться серьезных сдвигов в изучении военной темы возможно лишь при обращении к современным исследовательским методам.

Главным направлением методологических инноваций становится повышение интереса к человеку в истории, использование историко-антропологического подхода в разработке военной темы³⁵. Ключевыми задачами исследователей в рамках данного направления считается изучение взаимовлияния идеологии и психологии вооруженных конфликтов, в том числе механизмов формирования героических символов; анализ психологии боя и солдатского фатализма, проявлений религиозности и атеизма, особенностей самоощущения человека в боевой обстановке и других проблем³⁶. Постепенно они находят свое отражение и в ряде исследований, выполненных на материалах Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, авторы которых обращаются к вопросам формирования образа врага в годы войны, повседневной жизни населения региона на фронте, в тылу и на оккупированной территории.

Определенные перспективы в разработке рассматриваемой проблемы предоставляют и другие современные подходы: социальная и демографическая история, микроистория и история повседневности. В последние годы активно развиваются гендерные исследования, в том числе и на материалах Второй мировой войны. Однако использование данного подхода пока не реализовано в полной мере. Например, большинство исследований о роли и положении женщин Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, даже если и носит название «гендерных», выполнено скорее в духе традиционной «истории женщин». Их авторы раскрывают устоявшиеся в историографии сюжеты, высчитывая общее количество женщин, работавших в тылу и воевавших на фронте, приводя отдельные примеры их героизма.

Обновление методологии и методики исследований приводит к появлению иной, чем раньше, научной терминологии, прежде всего за счет использования понятий, имеющих иностранное происхождение, а также употребляемых в смежных гуманитарных и социальных дисциплинах. Потребностью в новой терминологии объясняется постановка новых исследовательских задач, стоящих перед историками. В частности, Е.С. Сеньявская в своих исследованиях, посвященных поведению человека на войне, ввела использовавшееся в международном праве понятие «комбатант» (от французского слова, означающего «воин», «боец») в значении «непосредственный участник боевых действий в составе вооруженных сил или иррегулярных вооруженных формирований, партизанских отрядов». Его применение позволило исследователю охарактеризовать особый психологический тип личности, присущий «человеку воюющему»³⁷.

Вместо прежних понятий «предатели» и «изменники» в современной историографии все чаще используется термин «коллаборационист», имеющий французское происхождение. При этом во французском языке он имел негативное значение, но в русском языке приобрел нейтральный характер по сравнению с прежними оценочными категориями. Вплоть до 1990-х гг. данный термин практически не использовался для обозначения сотрудничества с врагом на советской территории ни в отечественной, ни в зарубежной историографии и применялся только для характеристики подобных явлений в оккупированных странах Европы и Азии. Свою роль играли идеологические предубеждения: в отношении советских коллаборационистов отечественные историки применяли указанные выше негативные понятия, зарубежные – терминологию немецких документов, именуя их «освободителями» или «добровольцами». Правда, не все российские исследователи и сейчас готовы отказаться от прежних категорий,

считая их наиболее уместными потому, что они наиболее точно выражают правовую оценку коллаборационизма³⁸. Заслуживает внимания и предложенное М.И. Семирягой разграничение понятий: «коллаборационизм» он рассматривает как синоним «осознанного предательства и измены», «сотрудничество» – «вынужденные и неизбежные в условиях оккупации контакты и связи между местным населением и оккупантами»³⁹.

В региональной историографии проблема используемой терминологии стоит наиболее остро. Присущая ряду северокавказских исследований военной темы терминологическая путаница, соединение совершенно разных и порой взаимоисключающих понятий, преобладание эмоционально «заряженной» лексики обличительного содержания свидетельствует о недостаточной методологической и теоретической подготовке авторов. Даже в диссертационных исследованиях на одной странице, например, можно встретить две различные характеристики советского режима в годы войны – и как авторитарного, и как тоталитарного⁴⁰.

«Освобождение» от прежних идеологических стереотипов нередко сопровождается очередными волнами героизации или демонизации прошлого, рождением новых исторических мифов. В результате характерной моделью изучения участия того или иного народа в годы войны становится пересказ подвигов его представителей на фронте и в тылу. Данный подход находит отражение и в попытках подсчитать, какой народ внес больший вклад в дело Победы или в максимальной степени пострадал от жестокостей сталинского режима. Между тем и мартирологическое, и викторианское восприятие прошлого одинаково односторонни и прямолинейны: «Сторонники мартирологического представления о прошлом видят его как бесконечный ряд жертв (лучшие люди – жертвы, народ – страдалец и мученик). При викторианском видении истории героические личности, события, подвиги заполняют прошлое, которое является предметом бездумного восхищения и преклонения. И те и другие призывают, естественно, не исказить. В действительности ни викторианское, ни мартирологическое массовое историческое сознание не является научным»⁴¹.

Более того, актуализация внимания к проблемам собственного народа нередко сопровождается равнодушием к судьбам других: сторонники данного подхода порой выступают наиболее острыми критиками не только советского режима, но и негативных явлений в истории других этнических общностей в годы войны. Как признают современные чеченские исследователи, «когда чеченцу или калмыку говорят о том, что его деды сотрудничали с немецкими фашистами, он начинает искать данные об армии генерала Власова, о казачьих военных формированиях, воевавших на стороне немцев, то есть начинаются поиски компромата и негатива»⁴². Поэтому «этнизация» истории Великой Отечественной войны как одна из распространенных форм ее мифологизации представляется особенно опасной в таком многонациональном регионе, как Северный Кавказ.

Развитие зарубежной историографии проблемы имело определенную специфику, выразившуюся уже в том, что она всегда была чрезвычайно неоднородна, многопланова и разнообразна, включала различные национальные исторические школы, подходы и направления. Наибольшее внимание рассматриваемой проблеме уделялось в историографии Германии, а также США и Великобритании, но ее отдельные аспекты затрагивали и исследователи Франции, Италии и других стран. Не отличались зарубежные историки и методологическим единством, присущим советским авторам. Тем не менее в становлении их системы представлений о войне можно выделить общие тенденции.

Как и отечественная историческая наука, зарубежная историография испытывала определенное воздействие общественно-политических условий, особенно на этапе своего становления. Появившиеся непосредственно в военные годы первые публикации носили в основном публицистический, пропагандистский и прикладной характер, обобщая опыт борьбы и

состояние вооруженных сил противоборствующих сторон. Работы, выходившие в Германии и союзных ей странах, отличались резкой враждебностью к СССР. Напротив, литература стран антигитлеровской коалиции, включая публикации американских, английских и других зарубежных корреспондентов и журналистов, находившихся в СССР во время войны, даже если и содержала критику отдельных аспектов советской действительности, признавала значительный вклад народов СССР, в том числе и Северного Кавказа, в дело достижение победы⁴³. Исследователи уходили от «острых» вопросов истории региона⁴⁴. Как правило, указанные работы опирались на личные впечатления самих авторов, уже опубликованную информацию и официальные документы.

После завершения боевых действий на развитии зарубежной историографии в полной мере сказалась холодная война. В условиях обострения отношений бывших союзников по антигитлеровской коалиции изучение опыта Второй мировой войны стало рассматриваться в качестве необходимого условия для эффективной подготовки собственных войск. С этой целью в США в 1946 г. была принята специальная программа германской военной истории, для реализации которой широко привлекались немецкие генералы и офицеры. К 1961 г. они подготовили более 2,5 тыс. «меморандумов» общим объемом свыше 200 тыс. машинописных страниц. Среди них: «Способы ведения боевых действий русскими во Второй мировой войне», «Обеспечение безопасности тыловых районов вермахта в России: советский второй фронт в тылу немецких войск», «Роль местности в русской кампании» – и другие материалы, изданные в качестве наставлений для американской армии⁴⁵. В 1979 г. значительная часть данных материалов была издана под общим названием «Вторая мировая война. Германские военные разработки»⁴⁶.

Подготовленные самими американскими, а также английскими и другими западными военными исследователями работы опирались преимущественно на немецкие документы, оказавшиеся после 1945 г. в США. Советские архивы для зарубежных исследователей оставались закрытыми, и они могли использовать только опубликованные советские источники, подвергавшиеся строгой цензуре. В результате не все сюжеты рассматриваемой проблемы получили в зарубежной историографии равномерное освещение.

В условиях холодной войны на Западе сформировалось несколько научных школ советологии, объединивших как европейских исследователей, так и российских эмигрантов. Так, научные центры в Мюнхене и Фрайбурге в ФРГ активно занимались исследованиями в области национальной политики в СССР, особенно на Кавказе⁴⁷. Подобные исследования велись и в других странах⁴⁸. Западные историки давали негативные оценки национальной политике советского правительства, акцентировали внимание на таких явлениях, как коллаборационизм граждан СССР в годы Великой Отечественной войны, антисоветское повстанческое движение, массовые репрессии и депортации части народов Северного Кавказа.

Важнейшей теоретической основой изучения советской истории в зарубежной историографии с 1950-х гг. стала концепция тоталитаризма, разработанная в трудах Х. Арендт⁴⁹, К. Фридриха и З. Бжезинского⁵⁰. Подчеркивая типологическое сходство советского и нацистского политических режимов, она в наибольшей степени отвечала политическому противостоянию западных стран с СССР того времени. Однако идеологическая «нагруженность» данной концепции, выражавшаяся в резкой критике сталинизма, приводила к формированию упрощенных и догматизированных представлений о характере советского общества.

В 1960—1970-х гг. в зарубежной историографии сформировалось ревизионистское направление, подвергшее критике прежние подходы к советской истории. К его сторонникам относились: в США – Дж. Хаф, А. Даллин, М. Левин, С. Коэн, Ш. Фитцпатрик, А. Рабинович; в Англии – группа историков из Бирмингема во главе с Р. Дэвисом; в Германии – специали-

сты по социальной и экономической истории Р. Лоренц, Х. Хауман, Г. Мейер, Д. Гайер и другие авторы. Признавая диктаторский характер сталинского режима, они переносили главный упор в изучении на советское общество, стремясь объяснить происходившие в СССР процессы «снизу», как результат общественных отношений, а не «сверху», как привнесенные государством⁵¹. Данный подход позволил переосмыслить поведение и сознание советских граждан в годы Великой Отечественной войны, механизмы их адаптации к чрезвычайным условиям жизни, коллаборационизм и движение Сопротивления на оккупированной территории СССР.

«Бои за историю» стали еще одной формой холодной войны, и в советской историографии оценки западных историков, как правило, вызывали резкое неприятие. Оно выразилось в появлении особого жанра историографических исследований – «критики буржуазных фальсификаторов»⁵². В содержательном отношении критика располагалась в широком диапазоне: от упреков в методологической несостоятельности и творческом «бессилии» до прямых обвинений в «преднамеренном искажении» исторической правды с целью «реабилитации фашизма как социально-политического и идеологического явления»⁵³. При этом главные разногласия с западными авторами касались трактовок советского общественного и политического строя, роли коммунистической партии, характера национальных отношений в стране и в регионе. Например, советские авторы упрекали западных историков в стремлении «принизить» роль всенародной борьбы в тылу врага, искажении ее характера, преувеличении масштаба поддержки оккупантов советскими гражданами.

Соответствующие разделы в обязательном порядке содержали историографические введения к диссертационным и, несколько реже, монографическим исследованиям советских историков. Несмотря на очевидную идеологическую ангажированность дискуссий, даже в такой форме изложение работ зарубежных историков имело определенное положительное значение, позволяя познакомиться с их содержанием, пусть и подвергаемым критике.

Только в условиях перехода к новому этапу в отечественной историографии появились работы, лишенные «критического» запала по отношению к положениям и выводам западных историков⁵⁴. Более того, многие российские авторы, особенно на рубеже 1980—1990-х гг., отказавшись от прежних положений советской историографии, стали фактически повторять оценки зарубежных исследователей. Постепенно в историографии утвердились представления о необходимости тесного сотрудничества исследователей разных стран в изучении различных дискуссионных вопросов истории Второй мировой войны. В то же время события 1941–1945 гг. нередко становятся предметом новых «войн памяти», особенно острых на постсоветском пространстве, что во многом обусловлено процессами формирования новых национальных идентичностей.

В целом в отечественной и зарубежной историографии накоплен значительный опыт изучения истории горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Данная проблема рассматривалась как в общих, так и в региональных исследованиях, включая десятки монографий, диссертаций и коллективных трудов, сотни статей и отдельных очерков. Развитие историографии сопровождалось постепенным расширением знаний о судьбе горцев Северного Кавказа в годы войны, увеличением числа исследователей и работ на данную тему, развитием источниковой базы и самого круга рассматриваемых вопросов.

В то же время в изучении истории автономий Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны остается много малоизученных аспектов. В историографии отсутствуют крупные обобщающие исследования по истории региональной системы управления в рассматриваемый период, социальных процессов и формированию этнического сознания горских народов Северного Кавказа. Остаются нераскрытыми отдельные направления в деятельности властных структур и общественных организаций, развитие ряда отраслей народного хозяйства, положение

ние представителей отдельных социальных групп. В результате создание цельной обобщающей картины этнополитического, социально-экономического и культурного развития автономий Северного Кавказа, повседневной жизни населения в годы войны остается перспективной задачей, решение которой требует совместных усилий многих исследователей центра и региона.

Возможности советских историков в изучении данной проблемы были в значительной степени ограничены как внешними условиями развития исторической науки, так и ее внутренними обстоятельствами, связанными с господством догматизированной методологии, а также состоянием источниковой базы. Идеологические пристрастия оказывали свое воздействие и на оценки зарубежных историков, к тому же лишенных возможности работать в советских архивах.

Нынешняя методологическая ситуация предоставляет современным исследователям гораздо больше возможностей для изучения истории горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Это связано и с расширением источниковой базы, и с общими изменениями в развитии науки, обновлением теоретико-методологических принципов и методов исследования, наконец, приходом нового поколения историков. Несмотря на сохраняющееся воздействие конъюнктуры, в науке сложилась более свободная атмосфера, позволяющая сосуществовать различным взглядам и дающая исследователю возможность чувствовать себя более самостоятельным в выборе авторской позиции. В данной связи обращает на себя внимание сближение позиций российских и зарубежных историков, как в области применяемых подходов, так в конкретных оценках рассматриваемой проблемы.

В то же время новые возможности реализованы пока еще далеко не в полном объеме. Нередко научная новизна выражается только во введении в научный оборот новых архивных источников. Между тем дальнейшая разработка проблемы тесно связана не только с увеличением общего количества исторической информации, но и с углублением ее анализа, совершенствованием научной методологии и используемой терминологии, а также решением других исследовательских задач.

2

Изучение участия горцев в боевых действиях на фронтах войны

Участию горцев Северного Кавказа в боевых действиях в период Великой Отечественной войны в составе частей Красной армии посвящено большое количество работ различного жанра. Наибольшее внимание исследователей привлекали такие вопросы, как масштаб и формы мобилизации и добровольного ухода жителей на фронт, их подвиги, численность награжденных и погибших, история вооруженных формирований, созданных в данном регионе. Часть указанных вопросов разрабатывалась в профессиональной историографии, изучение других длительное время оставалось уделом публицистики, научно-популярных и краеведческих работ.

Литература на данную тему стала выходить уже в военные годы. Брошюры и статьи в центральных и местных периодических изданиях, написанные партийными, советскими и комсомольскими работниками, писателями и журналистами, показывали героизм представителей различных народов региона на фронте, освещали вклад населения республик и областей в общее дело разгрома врага⁵⁵. Например, широко пропагандировались боевые подвиги пулеметчика чеченца Ханпаши Нурадилова, которому в 1943 г. посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза⁵⁶. Особое внимание уделялось самоотверженности и героизму, проявленным жителями региона в ходе битвы за Кавказ, патриотическим традициям населявших его народов⁵⁷.

Однако после депортации части народов Северного Кавказа упоминания о боевых заслугах их представителей на различных фронтах Великой Отечественной войны исчезли из средств массовой информации. К тому же, обращаясь к судьбе отдельных героев и обстоятельствам совершенных ими подвигов, авторы из-за отсутствия необходимой информации, а также по цензурным или пропагандистским соображениям далеко не всегда могли раскрыть все подробности, а в некоторых случаях прямо искажали картину событий, закладывая основы последующей мифологизации истории Великой Отечественной войны.

После войны рассматриваемые вопросы получили отражение в первых диссертационных исследованиях и статьях, посвященных истории отдельных краев, республик, областей, городов, их партийных и комсомольских организаций в военное время. В послевоенное десятилетие вышли также специальные очерки и сборники статей о подвигах жителей Северного Кавказа⁵⁸. При этом в историографии послевоенного периода по-прежнему почти не упоминался вклад в Победу репрессированных чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев.

Только в период «оттепели» в условиях начавшейся реабилитации стало возможным писать о подвигах представителей депортированных народов на фронте. Д.А. Напсо, С.З. Лайпанов, В.А. Нежинский описывали подвиги жителей Карачаево-Черкесии в годы войны⁵⁹. Участию чеченцев и ингушей в боевых действиях были посвящены научно-популярные очерки З.К. Джамбулатовой, написанные в основном на материалах печати военных лет, что обусловило определенные неточности⁶⁰. В частности, характеризуя боевой путь отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского дивизиона, автор определила его численность в 1,8 тыс. чеченцев и ингушей, что вызывает обоснованные сомнения современных исследователей⁶¹.

Участие в боях жителей Северного Кавказа нашло также отражение в очерках истории отдельных частей и соединений, сформированных или пополнявшихся в данном регионе⁶². Многочисленные публикации были призваны раскрыть героизм советских солдат и команди-

ров⁶³. Г.П. Иванов, А.А. Тедтоев, В.И. Черный и другие авторы охарактеризовали военно-организаторскую и политическую работу партийных организаций региона⁶⁴. О жителях региона – участниках войны упоминалось в обобщающих трудах по истории северокавказских автономий, их партийных и комсомольских организаций. Немало внимания исследователи уделяли мобилизации и добровольному уходу на фронт горцев Северного Кавказа, особенно коммунистов и комсомольцев. Мотивы добровольного ухода на фронт, причины массового героизма исследователи объясняли исключительно патриотическими чувствами советских людей, их преданностью советскому строю и своей Родине.

При характеристике данных сюжетов в советских исследованиях этого периода встречалось немало «фигур умолчания». Так, характеризуя призывные мероприятия жителей Чечено-Ингушской АССР в ряды Красной армии, З.М. Аликберов, не называя причин прекращения мобилизации, привел их просьбу в сентябре 1942 г. разрешить ее на добровольной основе⁶⁵. В результате непонятным выглядело обращение командования Закавказского фронта к Чечено-Ингушской партийной организации с просьбой разрешить повторный добровольный призыв жителей республики.

Существенное значение отводилось установлению общего количества жителей автономных республик и областей, награжденных орденами и медалями СССР, прежде всего удостоенных высшей государственной награды страны – звания Героя Советского Союза. Так, число жителей Карачаево-Черкесии – Героев Советского Союза в работе по истории Северо-Кавказского военного округа определялось в 13 чел.⁶⁶, в обобщающем труде по истории Карачаево-Черкесии – 14 чел.⁶⁷, в статье М.А. Боташева – 15 чел.⁶⁸ В обобщающем труде по истории Адыгеи было указано, что в Адыгее насчитывалось 25 Героев Советского Союза⁶⁹. В то же время в сборнике «Золотые Звезды Адыгеи» описывались судьбы 41 Героя Советского Союза, а также 14 полных кавалеров ордена Славы⁷⁰.

Приводимые в различных работах данные свидетельствуют о своеобразной «двойной арифметике» в подсчетах, отражающей стремление максимально учесть всех награжденных лиц, так или иначе связанных с регионом. Например, в автономных областях и республиках в списки героев нередко включались представители титульных этносов, проживавшие или призывавшиеся на фронт за пределами национальных образований. Имена жителей, призванных из одного национально-государственного образования, а после войны проживавших в другом, учитывались в списках, составленных в обоих регионах.

Широкий круг работ был посвящен фронтовым подвигам жителей автономий Северного Кавказа⁷¹, особенно Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы⁷². В новых изданиях содержались дополнительные сведения о подвигах, уточнялось количество награжденных, приводились новые имена. Основой указанных работ, как правило, служили боевые донесения и наградные листы, свидетельства очевидцев, а также материалы периодической печати.

В то же время в описание судеб отдельных героев войны порой привносились вымышленные детали, что можно проследить на примере освещения подвига младшего политрука Х.Б. Андрухаева. 8 ноября 1941 г. в оборонительном бою возле украинского села Дьякова после гибели командира, несмотря на ранение, он принял командование стрелковой ротой 733-го стрелкового полка. Прикрывая отход бойцов, подорвал себя и окружавших его врагов гранатой. 27 марта 1942 г. Х.Б. Андрухаеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. На следующий день в «Правде» появилась статья, рассказывавшая о подвиге героя⁷³.

Впоследствии в изложении данных событий стали появляться и исчезать дополнительные подробности, которых не было в первоначальном описании. В частности, выяснилось, что на позиции роты Андрухаева наступал отборный батальон немецкой пехоты из дивизии СС

«Викинг» при поддержке артиллерийского огня и вражеской авиации – «Юнкерсов»⁷⁴. В опубликованном после войны очерке говорилось, что «все товарищи Андрухаева погибли»⁷⁵. В последующих описаниях раненый политрук под угрозой окружения приказывал своим бойцам оставить позицию, а сам оставался прикрывать их отход⁷⁶.

Встречаются разночтения и при изложении последних слов героя. Согласно наградным материалам, положенным в основу первых описаний, Андрухаев подорвал себя и окружавших его немецких солдат с возгласом: «Возьмите, гады!»⁷⁷ Однако эта фраза, видимо, показалась недостаточно корректно звучащей в устах героя, и позже появились другие слова, несколько отличавшиеся от прежних: «Фашисты устремились к окопу на высоте, чтобы взять раненого политрука живым. «Рус, сдавайс!» – орали они, окружая его. Андрухаев поднялся во весь рост, подпустил к себе гитлеровцев и, крикнув в ответ: «Русские не сдаются!» – подорвал врагов и себя последней гранатой»⁷⁸. Именно это описание использовалось в большинстве работ, рассказывавших о подвиге героя, как наиболее соответствовавшее официальной идеологии. Источник происхождения данной фразы, вопрос о котором неизбежно возникал у многих читателей, связывался с использованием материалов допросов попавшего в плен немецкого офицера⁷⁹.

В описаниях конца 1970-х – начала 1980-х гг. появился еще один фрагмент, связавший судьбу Х.Б. Андрухаева с Л.И. Брежневым, являвшимся в момент рассматриваемых событий заместителем начальника политуправления Южного фронта: после боя тому «принесли листки в рыжих пятнах крови с обгоревшей фотографией – все, что осталось от партийного билета политрука Хусена Андрухаева. Держа в руках эти листочки, Леонид Ильич сказал стоявшему рядом командиру дивизии:

– На советской земле Хусен был хозяином, и не мог он ответить немцам иначе, как «русские не сдаются...»⁸⁰.

Дополнительные детали и подробности стали результатом последующей литературной обработки, предпринятой с целью усилить воздействие на читателей совершенного подвига. Враг приобретал в новых описаниях все более опасный и жестокий характер, герой жертвовал собой ради спасения товарищей, бойцы отступали по полученному свыше приказу. Вполне вероятно, что события именно так и происходили, но сам процесс реконструкции представлений о подвиге героя достаточно типичен, позволяя говорить о тенденциях мифологизации образов реальных участников войны. Появление же фрагмента, связанного с Л.И. Брежневым, было прямо продиктовано конъюнктурными обстоятельствами, и после ухода из жизни в 1982 г. генерального секретаря ЦК КПСС он исчез из последующих описаний. Вышесказанное не ставит под сомнение значение подвига Х.Б. Андрухаева, а лишь иллюстрирует особенности формирования стереотипных образов и символов Великой Отечественной войны.

Немало специальных исторических работ и популярных очерков рассказывало о создании и боевом пути частей и соединений, созданных в автономиях Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Среди них – 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия, 114-я Чечено-Ингушская кавалерийская дивизия, другие части и соединения⁸¹. Данные работы мало различались в содержательном отношении, авторы описывали боевые действия, рассказывали об оказываемой им помощи населением республик и областей. Неизменно подчеркивалась роль партийных организаций в создании и боевых успехах национальных формирований, которые иногда преувеличивались.

Представляет определенный интерес работа А.П. Артемьева, который впервые провел сравнительно-статистическое исследование участия народов СССР в Великой Отечественной войне. Он сумел выявить дисбаланс в количественных показателях, отражающих вклад различных народов в дело Победы, оставшийся, впрочем, без комментариев с его стороны⁸². В

целом же советские историки стремились доказать наличие «братского боевого союза народов СССР», их помощь и взаимовыручку, уходя от спорных моментов рассматриваемой проблемы⁸³.

В последние два десятилетия вышло немало новых работ об участии горцев Северного Кавказа в Великой Отечественной войне в русле советской историографической традиции⁸⁴. Авторы стремятся показать духовную силу и самоотверженность, мужество и героизм участников войны, прославляя их подвиги. Широко публикуются и работы о сформированных в автономиях Северного Кавказа воинских частях и соединениях. Многие историки расценивают их создание как проявление патриотизма горцев Северного Кавказа, дружбы и единства народов СССР в совместной защите «социалистического Отечества»⁸⁵.

Показательны публикации писателя Х.Д. Ошаева, который на протяжении многих лет собирал материал о чеченцах и ингушах, защищавших Брестскую крепость. На основании данных райвоенкоматов, сельсоветов, где имелись военно-учетные столы, свидетельств участников войны, сохранившихся у родственников писем и фотографий, он составил список в 275 выходцев из Чечено-Ингушской АССР, участвовавших в обороне Брестской крепости. Однако в советское время публиковать эти сведения ему не разрешалось, и книга вышла уже после смерти автора⁸⁶. Х.Д. Ошаев также обратился к участию чеченцев в боевых действиях и на других фронтах. Согласно его подсчетам, всего в Великой Отечественной войне принимало участие 27,5 тыс. чеченцев и ингушей. При этом он сам считал данную цифру неполной⁸⁷. Современные исследователи считают, что общее количество участников войны – чеченцев и ингушей – составляло до 40 тыс. чел.⁸⁸

Важными шагами в дальнейшей разработке данного вопроса стала публикация обобщающих работ, рассказывающих о вкладе репрессированных народов, в том числе и северокавказских горцев, в Победу в Великой Отечественной войне. Ценность данных работ заключается именно в том, что в них «под одной обложкой» собраны и опубликованы материалы по истории участия в войне тех народов страны, чьи автономии были ликвидированы, а сами они депортированы⁸⁹.

Находят свое отражение в современной историографии и негативные последствия мобилизации для хозяйственного развития региона. Исследователи указывают, что перераспределение людских ресурсов в интересах фронта привело к значительному сокращению городского и сельского трудоспособного населения на Северном Кавказе, обострило проблему трудовых ресурсов. В последние годы появились работы, в которых показаны ошибки при проведении мобилизации в северокавказских автономиях, приведены данные о дезертирстве из рядов Красной армии.

В данной связи вызывает несомненный интерес исследование А.Ю. Безугольного, проанализировавшего на основе рассекреченных военных документов вопросы участия народов Кавказа в Великой Отечественной войне в контексте национальной политики Советского государства. В центре внимания исследователя – людские ресурсы региона в начальный период войны. Автор приводит данные о приостановке и отмене призыва представителей всех северокавказских и закавказских народов в 1942–1943 гг., показывает сложности создания, подготовки и боевого пути национальных частей. Проведенный анализ позволил утверждать, что описания героического пути отдельных жителей региона и национальных формирований нередко содержат преувеличения, создавая основу для мифотворчества⁹⁰.

В то же время ряд северокавказских историков подозревает местные органы власти в намеренных просчетах при проведении мобилизации. В частности, авторы нового обобщающего труда по истории Чечни пишут о том, что «примеров глубокого осознания большинством населения Чечено-Ингушетии своего патриотического долга перед Отечеством в годы

войны было немало. Людей, желающих с оружием в руках бороться с фашизмом, в республике было очень много»⁹¹. Поэтому они полагают, что «военными органами ЧИ АССР умышленно допускались злостные перегибы при проведении военно-мобилизационной работы», считая, что этим специально закладывались основания для последующих репрессий против народа. В данной связи резкой критике подвергается и расформирование в начале 1942 г. 114-й национальной кавалерийской дивизии⁹².

Сложившееся почитание северокавказских частей как символа национального вклада в дело борьбы с фашизмом отодвигает на второй план особенности их сложной и неоднозначной истории, в которой, как в зеркале, отражаются повороты национальной политики периода Великой Отечественной войны. Исследователи не задаются вопросами о том, почему судьба большинства подобных частей была очень короткой, почему первоначальные планы национального военного строительства уже через несколько месяцев после их принятия были резко сокращены, а затем и свернуты. Единственная в современной историографии обобщающая монография В.Е. Иванова, охватывающая историю создания и применения национальных формирований РККА, выполнена на основе традиционных принципов и недостаточной источниковой базе⁹³.

В зарубежной исторической науке участию горцев Северного Кавказа в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны не было посвящено специальных исследований. Главной причиной этого являлось отсутствие необходимых источников. Однако немало ценных сведений по истории сражений на Северном Кавказе приводится в работах, посвященных истории 3-го танкового корпуса, 3-й и 13-й танковых, 1-й горно-пехотной, 111-й пехотной дивизий и других воинских соединений Третьего рейха⁹⁴, битве за Кавказ, и других исследованиях⁹⁵. Здесь содержится немало ценных наблюдений немецких историков и участников войны о Красной армии в целом и ее соединениях, сформированных на Северном Кавказе. В СССР указанные работы находились в спецхранах и стали доступны специалистам только в последние годы.

При этом на Западе оценки боевых качеств советских войск нередко диаметрально противоположны тем, которые содержатся в отечественных трудах. Успехи частей и соединений вермахта доказываются при помощи сравнений потерь – их и противостоявших им советских частей, данных о количестве красноармейцев, захваченных в плен или добровольно перешедших на сторону противника. Нередко немецкие авторы подчеркивают национальность советских военнопленных, чтобы доказать разобщенность Красной армии по национальному признаку. Однако современные исследователи справедливо указывают на необходимость учитывать при обращении к указанным трудам устойчивую традицию военных всего мира использовать принцип «не жалей врага – пиши больше», то есть завышать потери противника и уменьшать собственные⁹⁶.

В целом проблема участия в боевых действиях горцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны в советской, постсоветской и зарубежной историографии всегда была сильно политизирована, что обуславливает необходимость ее дальнейшей разработки на основе рассекреченных материалов и новых подходов. Одним из перспективных направлений в изучении рассматриваемой проблемы является осмысление вопросов эмоционально-психологического состояния, повседневной жизни и стратегий выживания на фронте горцев Северного Кавказа, которое может быть достигнуто на основе новой источниковой базы. Сохраняет свое научное и моральное значение установление судьбы всех участников войны – выходцев из данного региона, включая и тех, кто по-прежнему считается без вести пропавшим, и тех, кто находился в немецком плену. Работа в данном направлении требует не только координации усилий региональных исследователей и заинтересованных государственных и общественных организаций, но и установления более тесных контактов с зарубежными архивохранилищами и научными центрами, обладающими соответствующей информацией.

3

Оккупация региона в работах российских и зарубежных историков

Вопросы нацистской оккупации автономий Северного Кавказа долгое время рассматривались в качестве составной части проблемы народного сопротивления захватчикам в регионе. Тем не менее становление исторических знаний позволяет не только говорить о сложившихся подходах в осмыслении данной проблематики, но и выделить ряд наиболее разработанных и в то же время дискуссионных вопросов. Среди них оценка сущности, характера и особенностей немецкой оккупации региона, планы германского руководства и основные направления оккупационной политики, масштаб, причины и формы сопротивления захватчикам и сотрудничества жителей с противником.

Еще в годы войны были изданы первые работы, авторы которых, основываясь на рассказах жителей и личных впечатлениях, описывали чудовищные зверства захватчиков, издевательства над населением, угон жителей на работу в Германию, смелые действия партизан и подпольщиков⁹⁷. При этом, например, Н. Эмиров доказывал, что «немецкие империалистические хищники» издавна стремились захватить Кавказ, и утверждал, что Гитлер несет народам Кавказа такой же «новый порядок», как и в других временно оккупированных советских областях⁹⁸. Подготовленные на основе газетных публикаций и рассказов очевидцев подобные работы были призваны мобилизовать советских людей на борьбу с захватчиками, преломляя описываемые события сквозь пропагандистские установки.

Свой вклад в процесс накопления и обобщения фактов по истории оккупации и сопротивления захватчикам на Северном Кавказе внесли исследования первого послевоенного десятилетия. Часто они имели описательный характер, не всегда отличались новизной материала и сделанных выводов. Так, в издании, посвященном 25-летию автономии Адыгеи, освещение событий оккупации области свелось к показу жестокости захватчиков и борьбы против них партизан, ей уделялось менее пяти страниц текста, включая сведения об ущербе, нанесенном хозяйству области. Действиям партизан Адыгеи посвящено почти в три раза больше места, что отражало складывавшиеся приоритеты в изучении проблемы⁹⁹. Более обстоятельную характеристику оккупации Адыгеи содержала кандидатская диссертация В.М. Глухова. Несмотря на то что общие выводы автора звучали в духе пропагандистских штампов своего времени, он впервые охарактеризовал органы управления оккупированной Адыгеи и их деятельность, экономические меры оккупантов, реакцию населения. Ввод в научный оборот широкого круга данных и постановка целого ряда вопросов позволяют считать его работу существенным шагом вперед в изучении данной проблемы. В частности, достаточно редкое для советской историографии использование материалов издававшейся в период оккупации газеты «Майкопская жизнь» позволило автору более полно раскрыть различные мероприятия оккупационной администрации.

Работы других авторов менее информативны, а по своим выводам близки диссертации В.М. Глухова. Так, мрачный образ немецкой оккупации Черкесии нарисован в статье З.К. Карданова: «Все то, что было создано трудящимися Черкесии за годы советской власти под руководством Коммунистической партии, теперь подвергалось варварскому уничтожению и разграблению гитлеровцами. Начались черные дни фашистской оккупации: аресты, насилия, неслыханный грабеж, вывоз ценного имущества в Германию»¹⁰⁰. Вследствие депортации части северокавказских народов в литературе послевоенного десятилетия не упоминалось о событиях оккупации их автономий. Большинство исследователей послевоенного времени не касались и вопросов сотрудничества советских граждан с захватчиками, а единичные упомина-

ния о коллаборационистах имели сугубо негативный характер, они оценивались как «отбросы советского общества», «самые презренные люди, человеческое отребье, воры и растратчики, бывшие кулаки»¹⁰¹. Указанные положения на долгое время определили изучение рассматриваемой проблемы в советской историографии.

Исследование оккупации советских территорий было продолжено в отечественной историографии в период «оттепели» и последующие годы. В общих и специальных трудах советские исследователи раскрыли жестокие репрессии захватчиков, экономическое ограбление советских территорий, бесправие населения. Обобщающую характеристику оккупационного режима на Северном Кавказе дал Х.-М. Ибрагимбейли, вскрывший его идейные истоки и причины краха¹⁰². Он связал немецкие планы в отношении Кавказа с проектами дальнейшего продвижения Германии на Ближний и Средний Восток, раскрыл роль корпуса особого назначения «Ф», который германское руководство рассчитывало использовать в качестве ударной силы для организации национально-освободительной борьбы в английских колониях¹⁰³. В работах А.-М. Бабаева получили дальнейшую разработку планы Германии в отношении Кавказа. Исследователь рассмотрел немецкие военные планы, показал экономическую значимость захвата территории региона, особенно его нефтяных источников¹⁰⁴.

Тема оккупации разрабатывалась и на материалах отдельных автономий, обычно в связи с освещением деятельности региональных партийных организаций в годы войны и их роли в организации народного сопротивления захватчикам¹⁰⁵. Однако здесь отсутствовал анализ структуры оккупационной администрации в регионе, содержался минимум информации о различных направлениях ее деятельности, отмечались лишь жестокость захватчиков, их попытки сыграть на противоречиях между кавказскими народами.

Анализ политики захватчиков позволил ряду историков прийти к выводу о «кавказском эксперименте» Третьего рейха, выражавшемся в «особом» отношении оккупантов к горцам и казакам. При этом советские историки сходились в том, что отличия оккупационного режима на Северном Кавказе заключались только в пропагандистских мероприятиях противника, а его сущность не менялась. Захватчики проводили «ту же жестокую политику, что и в других оккупированных районах», однако вначале «прибегли к тактике заигрывания с местным населением, стремясь найти в его лице опору»¹⁰⁶.

Первой крупной обобщающей работой о партизанском движении на Северном Кавказе стала кандидатская диссертация В.И. Сивкова, написанная на основе документов региональных архивов¹⁰⁷. Он рассмотрел процесс подготовки партизанских отрядов, предложил свою периодизацию развития партизанского движения на Северном Кавказе, подчеркнул тенденцию к централизации в его становлении. В.И. Сивков вскрыл недостатки в организации партизанских формирований, в боевой и специальной подготовке значительной части партизан¹⁰⁸. Одной из основных причин тяжелых потерь среди подпольщиков он назвал недостаток опытных кадров, в чем увидел результаты репрессий 1930-х гг.¹⁰⁹

В 1960—1980-х гг. к вопросам развития народного сопротивления обращались и другие исследователи¹¹⁰. Но в работах данного периода были недостаточно изучены сильные и слабые стороны в организации и управлении партизанским движением. Не была раскрыта и роль органов НКВД в развитии партизанского движения в регионе. Это объясняется не только тем, что многие документы были засекречены, но и господством идеологических догм. Основой многих партизанских отрядов в регионе являлись истребительные батальоны, создававшиеся под контролем органов НКВД. Однако признание того, что первоначально партизанское движение формировалось органами НКВД, могло быть классифицировано в советской исторической науке только как «злобные измышления» и «фальсификация» истории народной борьбы и природы советского строя в целом.

Вопросы о сотрудничестве жителей региона с противником в советской историографии второй половины 1950-х – конца 1980-х гг. не разрабатывались. Лишь в отдельных работах упоминалось о судьбе солдат восточных легионов и других коллаборационистских частей, приводились отрывочные сведения о составе, участии в боевых действиях этих частей. Подчеркивался вынужденный характер сотрудничества солдат восточных легионов с немцами, констатировалась невысокая боеспособность данных частей. Главное значение придавалось переходу легионеров на сторону РККА, успешной работе подпольных организаций¹¹¹.

Современный этап в изучении проблем оккупации Северного Кавказа характеризует появление новых исследовательских возможностей у историков. Введение в научный оборот целого комплекса новых источников не позволяет игнорировать рассматриваемую тему, вопросы оккупации получили в последние годы отражение в новых обобщающих работах, посвященных истории региона и отдельных северокавказских автономий в годы Великой Отечественной войны, хотя их интерпретация при этом может различаться. В данной связи скорее вызывающим недоумение исключением, чем правилом, выглядит отсутствие соответствующих сюжетов в ряде обобщающих трудов, вышедших в последние годы¹¹².

В разработке рассматриваемой проблемы существенную роль сыграл ряд диссертационных исследований, содержащих комплексный анализ событий оккупации Северного Кавказа¹¹³. В них подробно рассматриваются планы Германии в отношении региона, структура и деятельность оккупационной администрации, ее социально-экономическая, национальная и культурная политика, а также вопросы сопротивления захватчикам, действия партизанских отрядов и подпольных групп.

Первой из таких работ стала защищенная в 1992 г. кандидатская диссертация ставропольской исследовательницы З.В. Бочкаревой. Она предложила иную, чем прежде, нетрадиционную оценку «кавказского эксперимента» Третьего рейха, выведя модернизацию нацистами оккупационной политики в рассматриваемом регионе за рамки сугубо пропагандистских мероприятий. Рассмотрев административные преобразования и различные направления политики оккупантов на Северном Кавказе, она пришла к выводу о том, что здесь была предпринята не просто «коррекция прежнего нацизма», а попытка создания «неоколониального варианта национал-социализма для Кавказа». Согласно З.В. Бочкаревой, тотальный геноцид нацистов на Северном Кавказе эволюционировал к геноциду выборочному, дискретному, а экономическая политика – от «примитивного ограбления новых территорий к попыткам создания экономических очагов цивилизации на «диком Востоке» по европейским образцам»¹¹⁴.

Напротив, Е.М. Мальшева утверждает: «Результаты неудавшегося «эксперимента» доказывают необоснованность утверждений об «упущенных возможностях» фашистской оккупационной политики»¹¹⁵. Провал оккупационной политики на Северном Кавказе она объясняет в соответствии с историографической традицией: «Оказавшиеся на временно оккупированной территории трудящиеся Северного Кавказа остались в своем абсолютном большинстве верными идеалам социализма, советскому государственному и общественному строю»¹¹⁶.

Серьезным обобщающим исследованием проблем оккупации региона стала монография С.И. Линца. Он раскрыл осуществление оккупантами различных мероприятий социально-экономического характера, «способствовавших поддержанию уровня жизни местных жителей на приемлемом даже в условиях войны уровне»¹¹⁷. Среди них – проведение аграрной, налоговой и финансовой реформ, новшества в торговле и религиозной жизни. Историк, опираясь на новые документы, привел многочисленные факты того, что оккупанты старались оказать поддержку развитию здравоохранения и образования, занимались трудоустройством безработного населения. Все это позволило ему сделать выводы об эволюции прежних нацистских планов.

В то же время ряд авторов сохраняют приверженность прежним подходам и трактовкам в освещении оккупации, сводя ее характеристику к описанию насилия захватчиков, масшта-

бов ущерба, нанесенного экономике региона, народного сопротивления оккупационной политике¹¹⁸. Наличие различных подходов является важной отличительной чертой современного этапа в развитии историографии проблемы.

Большинство современных исследователей истории народного сопротивления в регионе, пересматривая отдельные положения и раскрывая «белые пятна» данной проблемы, следуют старой традиции в ее изучении. Считается, что основная часть советского населения поддерживала партизан и подпольщиков, что и обеспечило успех народной борьбы в тылу противника. В ряде работ освещение проблемы народного сопротивления по-прежнему сводится к показу героических подвигов его представителей. В то же время в региональной историографии отмечается необходимость «очищения от мифологизации и приукрашивания партизанского движения»¹¹⁹. Переосмысление проблемы выражается в переоценке итогов развития народного сопротивления, выявлении особенностей борьбы партизан и подпольщиков, их социального и национального состава, трудностей взаимодействия с частями Красной армии¹²⁰. В историографии находит отражение ранее замалчивавшаяся роль сотрудников НКВД в партизанском движении, вскрыты факты трусости и предательства в рядах участников народного сопротивления, трагедия ряда отрядов.

В данной связи необходимо отметить исследования К.-М. Алиева, А.С. Линца, Г.В. Марченко, выполненные на материалах Ставрополья и Карачаево-Черкесии, а также работу С.И. Линца, обобщающую данные по всему Северному Кавказу¹²¹. Они содержат внимательный анализ трудностей и неудач в развитии народного сопротивления в регионе, вскрывают причины его провала, связанные как с природно-климатическими особенностями, так и с действиями краевого руководства, неудачи в подготовке и тактике и другие факторы. Переоценке подвергаются вопросы взаимоотношений между партизанами и населением. Эти выводы принципиально расходятся с прежними положениями советской историографии. В то же время исследователи подчеркивают, что участники сопротивления внесли свой вклад в дело Победы, сделав все, что от них зависело в тех нелегких условиях.

В последнее время в отечественной историографии активно разрабатывается проблема коллаборационизма, в том числе и на материалах Северного Кавказа¹²². Наиболее полно к настоящему времени раскрыты вопросы военно-политического коллаборационизма как наиболее активной формы сотрудничества советских граждан с противником. Ряд исследователей рассматривает создание и судьбу восточных легионов и других частей и соединений вермахта, полиции и СС, в составе которых служили и горцы Северного Кавказа¹²³. Вызывает определенный интерес диссертационное исследование А.В. Казакова, посвященное деятельности органов безопасности Кабардино-Балкарии по противодействию антисоветской эмиграции, но вводящее неизвестные данные из фондов архивов ФСБ и о борьбе «с гитлеровскими пособниками из числа северокавказцев»¹²⁴.

Крупных специальных исследований, посвященных сотрудничеству советских граждан с противником на Северном Кавказе, по-прежнему немного, а те, что есть, нередко носят компилятивный характер, порой отличаются неточностями. Так, автор обобщающей работы по данной проблеме Е.И. Журавлев считает, что военными коллаборационистами на Юге России стали до 30 тыс. северокавказцев¹²⁵. Эта цифра не вызывает возражений: еще эмигрант Р.Г. Трахо утверждал, что на стороне Германии воевало 28 тыс. представителей народов Северного Кавказа, примерно так же определяют их численность и другие исследователи¹²⁶. С учетом других форм сотрудничества Е.И. Журавлев полагает, что на Юге России насчитывалось до 300 тыс. коллаборационистов. Однако в этом случае механизм его подсчетов совершенно неясен, и как автору удалось установить численность еще 200 тыс. «невоенных» коллаборационистов, остается загадкой, ибо ссылки на источники отсутствуют. Приводимым данным мало

соответствует вывод Е.И. Журавлева о том, что большая часть населения «сохраняла веру в социалистические идеалы и доверие к руководству региона и страны»¹²⁷.

В работах региональных историков приводится немало данных, характеризующих различные формы и проявления коллаборационизма на Северном Кавказе, раскрываются его мотивы, переоценивается деятельность отдельных личностей. Так, ряд современных исследователей иначе оценивают деятельность бывшего командира Дикой дивизии, адыгского князя и генерала Султана Клыч-Гирея. По воспоминаниям командира майкопского партизанского отряда «Народные мстители» С.Я. Козлова, этот «бывший царский холуй» призывал адыгов поддержать немцев в борьбе с большевиками и пытался сформировать национальный черкесский легион, но потерпел неудачу¹²⁸. Это мнение вплоть до недавнего времени разделяли все отечественные исследователи, именовавшие его не иначе как «главарь белогвардейщины», «фашистский холуй», «гитлеровский холоп»¹²⁹. Считалось, что в течение всей войны он активно сотрудничал с фашистами, а на Северный Кавказ в 1942 г. приехал с целью создать «черкесский легион», что не было выполнено из-за нежелания населения Адыгеи служить захватчикам. Однако в начале 1990-х гг. М.Х. Шебзухов, опираясь на запись воспоминаний адъютанта Клыч-Гирея Л. Хатанова, пришел к выводу о том, что генерал «не призывал адыгов вступать в немецкие части и благодаря ему не было создано ни одного войскового формирования в составе немецких войск из адыгов». Он предположил, что Султан Клыч-Гирей стремился использовать свою поездку в Адыгею, напротив, чтобы «защитить адыгов от фашистов» и разъяснить им кратковременность пребывания оккупантов на Кавказе¹³⁰. Позже данную точку зрения отстаивал М.Б. Беджанов¹³¹.

Карачаевские авторы переоценили деятельность заместителя начальника Ставропольского краевого управления НКВД У.Д. Кочкарова. В советской историографии указывалось, что У.Д. Кочкаров, «будучи начальником разведки Западной группы партизанских отрядов края, сдался в плен, выдал врагу подполье и места расположения партизанских отрядов»¹³². Напротив, ряд современных исследователей утверждает, что У.Д. Кочкаров был честным коммунистом, незаслуженно пострадавшим от репрессий. К.-М. Алиев считает, что Кочкаров «стал жертвой того режима и тех людей, которым он служил верой и правдой». Отмечая негативные личные качества Кочкарова как «одного из опричников партийной элиты», он отвергает сам факт его причастности к разгрому партизанских отрядов¹³³.

Среди зарубежных исследований оккупации советских территорий ведущее место занимала монография английского историка А. Даллина, который противопоставил официальной нацистской доктрине взгляды генерала Э. Клейста, стремившегося на Кавказе «превратить население в своих друзей». Однако, отметив специфику проводившейся на Северном Кавказе оккупационной политики, он признал «исторически неправдоподобным» описание «господства немцев на Кавказе как идеального, без жестокости и зверств. В некоторых случаях военная необходимость брала верх над интересами населения. Немецкие репрессии за убийство или расхищение армейских запасов были такими же быстрыми и жестокими, как везде»¹³⁴. А. Даллин подчеркнул, что немецкое командование так и не сумело проводить «гибкую политику» на советских территориях.

Другой английский историк, Д. Рейтлингер, указывал, что и при «либеральной политике оккупантов» возникла бы партизанская война, оккупационный режим был в любом случае обречен¹³⁵. В то же время он считает, что «если сравнить с мрачной историей рейхскомиссариатов, германская оккупация территорий на севере Кавказа была, вероятно, настолько гуманной, насколько можно было ожидать от армии, целиком живущей за счет оккупированной страны. Если бы не ужасные акции тайной полиции, которые не дали почти никакого результата, история могла бы сделать честь германским офицерам военной администрации, которые

за те немного месяцев, что они пробыли на Северном Кавказе, ухитрились не злоупотребить гостеприимством»¹³⁶.

Находившийся в СССР в течение всей войны английский журналист А. Верт в 1964 г. выпустил книгу, вскоре переведенную на многие языки, включая и русский. Он оценил в ней «заигрывание немцев с мусульманами на Кавказе» как «часть сумасбродных планов Гитлера», направленных на втягивание в войну Турции и вовлечение в орбиту Германии всего Среднего Востока. Тем не менее он полагал, что Гитлер «крайне скептически» относился к программе Розенберга¹³⁷.

В послевоенной западногерманской историографии широкое распространение получила теория «незапятнанности» вермахта. Ее сторонники считали, что репрессии против мирного советского населения совершали исключительно части и подразделения СС, а военнослужащие вермахта даже не знали о них¹³⁸. Напротив, историк из ГДР Н. Мюллер в своей монографии привел немало сведений о том, что вермахт играл самую активную роль в массовом уничтожении советских людей и экономическом ограблении оккупированных областей СССР, а также в реализации политики «выжженной земли» во время своего отступления¹³⁹.

В 1960-х гг. немецкие историки стали активно обсуждать теорию «упущенного русского шанса», согласно которой подъем сопротивления против захватчиков на оккупированной территории СССР объяснялся их «излишней жестокостью» по отношению к гражданскому населению. Так, Г. Буххейт считал, что масса советского населения «надеялась освободиться от большевизма с помощью немцев». Однако вследствие оккупационной политики тысячи советских граждан «стали убегать в леса»¹⁴⁰. В. Хаупт также упрекает германское руководство в том, что оно «упустило возможность при помощи справедливой политики сделать дружественным население оккупированных территорий»¹⁴¹.

Значительное внимание в западной историографии уделялось партизанскому движению на оккупированной советской территории. Е. Хаувелл считал, что существовала прямая взаимосвязь между жестокостью оккупационной политики и размахом партизанского движения¹⁴². Итоги послевоенной программы исследования действий советских партизан подводил коллективный труд, созданный под руководством профессора Висконсинского университета Д. Армстронга¹⁴³.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.